

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: МИФ И ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ.
О НОВОЙ КНИГЕ: ШНИРЕЛЬМАН В. А. В ПОГОНЕ ЗА ПРЕДКАМИ:
ЭТНОГЕНЕЗ И ПОЛИТИКА. М.; СПб.: НЕСТОР — ИСТОРИЯ, 2024. 624 с.
ISBN 978-5-4469-2321-2**

Владимир Яковлевич Петрухин

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
Отдел средних веков,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32-А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Аннотация

Фундаментальная и во многом итоговая работа историка, этнографа и археолога В. А. Шнирельмана посвящена одной из вечных тем общественной мысли — поискам основ истории народов России. Автор сохраняет необходимую историческую дистанцию между современностью, для общественной мысли которой поиски предков остаются не менее актуальными, чем для предшествующих эпох, и его объектом — этногенетическими исследованиями времен «императорской России» и «сталинского СССР». Первоочередной интерес рецензента вызывают проблемы, связанные со славяно-русской проблематикой. В дореволюционный период «русский национализм» использовался властью для противодействия революционному движению, в советский период использовался ею в интересах партийных верхов, «советский патриотизм» не отменял поисков великого прошлого разных народов, входивших в СССР. В советский период ситуация оказалась парадоксальной — официальные идеологи вынуждены были метаться между откровенным шовинизмом и «пролетарским интернационализмом», необходимостью укрепления государственности и национально-освободительных движений. Актуальность анализа, предложенного В. А. Шнирельманом, подтверждается возникшей при становлении разных форм советской (и постсоветской!) государственности тенденцией к максимальному удревнению своей истории в рамках границ республик и автономий.

Ключевые слова

Историография, этнология, археология, этногенез, славистика, национальные отношения

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2025 г.

Статья доработана автором 1 мая 2025 г.

Статья принята в печать 15 мая 2025 г.

Цитирование: Этническая история: миф и поиски идентичности. О новой книге: Шнирельман В. А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор — История, 2024. 624 с. ISBN 978-5-4469-2321-2 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 241–255. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.13>

**ETHNIC HISTORY: MYTH AND THE SEARCH FOR IDENTITY.
ABOUT THE NEW BOOK: SHNIRELMAN V. A. IN PURSUIT OF ANCESTORS:
ETHNOGENESIS AND POLITICS. MOSCOW; ST. PETERSBURG:
NESTOR — ISTORIYA, 2024. 624 P. ISBN 978-5-4469-2321-2**

Vladimir Ia. Petrukhin

D. Sc., Chief Researcher,
Department of the Middle Ages,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Abstract

The fundamental and largely final work of the historian, ethnographer and archaeologist V. A. Shnirelman is devoted to one of the eternal themes of social thought — the search for the foundations of the history of the peoples of Russia. The author maintains the necessary historical distance between the present, where the search for ancestors remains no less relevant than in previous eras, and his object — ethnogenetic studies of the times of “imperial Russia” and “Stalin’s USSR”. The primary interest of the reviewer is caused by the problems associated with the Slavic-Russian problems. In the pre-revolutionary period, “Russian nationalism” was used by the authorities to counter the revolutionary movement, in the Soviet period it was used in the interests of the party leaders, “Soviet patriotism” did not cancel the search for the great past of various peoples that were part of the USSR. In the Soviet period, the situation turned out to be paradoxical: official ideologists were forced to rush between outright chauvinism and “proletarian internationalism”, between the need to strengthen statehood and the national liberation movements. The relevance of the analysis proposed by V. A. Shnirelman is confirmed by the tendency that arose during the formation of various forms of Soviet (and post-Soviet) statehood to the maximum antiquity of its history within the borders of republics and autonomies.

Keywords

Historiography, ethnology, archeology, ethnogenesis, Slavic studies, national relations

Received 7 April 2025

Revised 1 May 2025

Accepted 15 May 2025

For citation: Petrukhin V. Ia., 2025. Ethnic History: Myth and the Search for Identity. About the New Book: Shnirelman V. A. In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics. Moscow; St. Petersburg: Nestor — Istoriya, 2024. 624 p. ISBN 978-5-4469-2321-2. *Slavic World in the Third Millennium*, 2025 (1–2), pp. 241–255. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.13>

Фундаментальная и во многом итоговая работа историка, этнографа и археолога В. А. Шнирельмана посвящена одной из вечных тем общественной мысли — поискам основ истории народов России. Автор сохраняет необходимую историческую дистанцию между современностью, для общественной мысли которой поиски предков остаются не менее актуальными, чем для предшествующих эпох, и его объектом — этногенетическими исследованиями времен «императорской России» и «сталинского СССР». Первоочередной интерес рецензента вызывают проблемы, связанные со славяно-русской проблематикой.

Становление российской академической науки, действительно, происходило в имперский период, в «сталинский» период эта наука обслуживает потребности государственной политики и идеологии; впрочем, политизация гуманитарных наук, как подчеркивает автор, усиливается повсюду в эпоху геополитических перемен на рубеже тысячелетий, когда «этнонационализм» становится характерной чертой современного мира (с. 15 и сл. в рецензируемой книге).

Естественно, проблемы «этногенеза» были актуальны для мира идей во все эпохи: для европейской цивилизации они были заданы библейской традицией о происхождении народов мира от трех братьев — библейских сыновей Ноя и не менее престижной античной традицией, давшей академической науке сам термин *этнос*. Русская академическая наука восприняла эти традиции в XVIII в. (начиная с В. Н. Татищева) при посредстве польской ренессансной книжности. Имена библейских «патриархов» на основе вполне средневекового «этимологического» метода сближались с ономастиком актуального этноса (библейский «князь Рос» — Россия, Мосох — Москва и т. п., ср. с. 55–56). Античные «предки» изыскивались тем же способом: польские авторы, возводившие свое шляхетское рыцарство к героическим всадникам — сарматам, готовы были найти и для русских сарматское имя — *роксоланы* и т.п. (ср. с. 55)¹

«Примордиализм» — ориентация на извечность этнических общностей, воплощенных в престижных предках, будь то библейские патриархи или античные культурные герои, основатели великих городов и народов (вроде троянского Энея, Ромула, Августа в идеологеме «Москва — третий Рим» и т. п.), не просто тешит национальную гордость, но и соответствует архаическим (первобытным) ментальным установкам, сохраняющимся у всякого народа. «Свой народ», владеющий понятным языком, занимает центральное место в архаической картине мира: эта устойчивая ментальная конструкция эксплуатируется идеологами тоталитарных режимов — подчеркивает В. А. Шнирельман (вслед за Э. Кассирером — с. 18–19) в 1 главе («Этнонациональные мифы о прошлом»). Автор справедливо именуется ква-

¹ Эти разыскания предков «россиян» (с основой на *рос, рокс* и т.п.) продолжают современные любители средневековых этимологий: см. об этой историографии работы А. С. Мильникова, к сожалению, не учтенные В. А. Шнирельманом.

зинаучные нарративы, связанные с этими конструкциями «этноцентристскими мифами», предлагая классификацию этих мифов. К этим стереотипам относятся мифы о славных автохтонных предках героического «золотого века», последующие несчастья «народа-мученика» связаны со злодеяниями заведомо враждебного иноэтничного окружения (с. 46 и сл.). Эти мифологические схемы легко накладывались на схемы социальных (и расовых) теорий, в том числе марксистскую, догматически усвоенную Сталиным и предполагавшую непрременную доминанту социально-экономического базиса и зависимость от него «надстройки», в том числе национальной: первобытное племя сменялось «феодальной» народностью, на смену ей приходила буржуазная (затем социалистическая) нация. Эта схема была самодостаточной, не предполагала взаимодействия разных этносов и традиций и способствовала популярности в советской науке автохтонизма (см. с. 52–53). В гипертрофированном виде автохтонистская тенденция представлена лингвистической теорией Н. Я. Марра, специально исследуемой в связи с развитием науки об этногенезе в рецензируемой книге (ориентироваться в солидной по объему монографии позволяет составленный автором именной указатель).

Вторая глава посвящена становлению «националистического направления в российской науке» в досоветский — «имперский» период. Автор справедливо связывает этот период с упомянутым воздействием польской ренессансной науки, синтезированным в первом учебнике русской истории — «Синописе» киевского книжника Иннокентия Гизеля. Установки Гизеля надолго пережили эпоху становления отечественной истории: его стремление снабдить погодными датировками известия, недатированные в космографическом введении к Начальной русской летописи («Повесть временных лет»), в том числе деяния летописного Кия (принадлежавшего к «роду Афета, племени Мосоха»), основавшего Киев в 431 г., были восприняты в советский период — схожую датировку начала Киева предлагал Б. А. Рыбаков, исторические конструкции которого анализируются в книге)². Естественно, это первое пособие по русской истории было неприемлемо для основателя критического направления в исследовании источников русского академика немецкого происхождения А. Шлёцера: «немецкие профессора» стали «первыми настоящими учеными в России в XVIII в.» (с. 63).

Обращение призванных в Академию наук немцев к источникам по русской истории не могло не привлечь их специального внимания к призванию иностранцев, положившему начало русской государственности согласно летописной традиции. Это было призвание варяжских князей; замечу, что открытие Г. Ф. Миллером того факта ономастики, что финны именуют Швецию *Ruotsi*, предопределило последующие научные изыскания по этимологии имени *русь*. Скандинавское (норманнское) происхождение варягов (вопреки Синопису, разоблаченному еще Г. Байером) не вызывало сомне-

² Неслучайно Синописис был переиздан в Москве в 2006 г. под показательными названием «Мечта о русском единстве» (изд-во «Европа»).

ния у немецких историков, хотя Шлёцер указывал при этом на одновременность сложения государств у норманнов и руси в IX в. Культуртрегерский миф о неспособности славян к сложению собственной государственности, то есть собственно традиционный жупел официальной историографии — «норманнская теория», сложился в позднейших пропагандистских конструкциях, особенно нацистских (ср. с. 63).

М. В. Ломоносов в «патриотическом упрямстве» (по характеристике В. О. Ключевского) оставался в полемике с немцами последователем Синописа и даже цитируемого тем же Гизелем русского средневекового (начало XVI в.) «Сказания о князьях Владимирских», возводившего род московских князей (и их претензии на власть над Пруссией) к вымышленному родственнику Августа Прусу (с. 64–65). Прусы и прочие народы Восточной Европы, включая древних скифов, считались в эпоху становления официальной российской науки славянами, что предшествовало идеологии «будущего имперского панславизма» (с. 66–67). Даже призывание варяжских князей было в контексте становящейся имперской идеологии не свидетельством отсталости славянства, а подтверждением исконных верноподданнических чувств, отказа от первобытного народоправства; летописная дата призвания — 862 г. была признана официальной датой начала русской государственности после указа Николая I (с. 69).

Эпоха романтизма придавала особое значение понятиям «народ», «народный дух», что актуализировало поиски древних истоков этих понятий, начального славянского единства, уравнивающего судьбы народов, оказавшихся под чужеземным игом, прежде всего — болгар, с судьбами древних народов; Ю. И. Венелин приписывал дунайским болгарам деяния части их тюркоязычных предков — обитателей причерноморских степей, настаивая на славянских основах «гунно-аваро-хазарских» объединений степных кочевников: эта тенденция сохранялась в исторических официальных конструкциях Д. И. Иловайского и позднейших «евразийцев». Естественно, в соответствии с этой тенденцией продолжались поиски древних ненорманнских истоков собственно русского народа — *руси*, обнаруживаемых повсюду, где находились напоминающие имя руси этники (от упомянутых роксоланов до ругиев, обитателей славянского Рюгена на Балтике и на склонах Альп): эти поиски с мультипликацией руси продолжаются в работах А. Г. Кузьмина и его последователей, конструкциях доваряжского «Русского каганата» IX в. на пути «из немец в хазары» и т. д. и т. п.

Эти тенденции подхватили ранние славянофилы, «для которых идея народа имела безусловный приоритет перед идеей государственности» (с. 76 и сл.). Задача русского государства — объединение всех славян и православное просвещение всего мира с преодолением чуждых истинной вере традиций Запада (показательно, что труды А. С. Хомякова были переизданы в 2008 г. под общим заголовком «Всемирная задача России»). Историческое обоснование таких всемирных задач нуждалось в демонстрации древних

основ славянской/русской цивилизации, не уступавших древностью индийскому и античному героическому эпосу: сформировавшиеся тогда стереотипы (близость русских северных диалектов санскриту, «этруски — это русские» и т. п.) сохраняются у любителей «народной этимологии» до сих пор (во многом благодаря некритическому тиражированию изданий Венелина, Классена и др.). Эпоху Николая I автор именует «героическим этапом в русской историографии», проникнутой самодовлеющими патриотическими чувствами. (с. 78).

Романтизм этих конструкций остается привлекательным и проникает в современные научные проекты: в учебнике русской истории для университетов (М., 2006), изданном под редакцией акад. Милова, говорится об индоевропейской древности славян, пришедших вместе с индоевропейцами из Малой Азии, археологи с определенным энтузиазмом поддержали романтический проект Тура Хейердала, искавшего на Нижнем Дону свидетельства переселения скандинавов из Малой Азии (исландский книжник XIII в. Снорри сближал имена переселенцев *асов* с названием материка *Азия*, ср. с. 79).

Конструкции, ориентированные на панславизм, столкнулись со второй половины XIX в. с реакцией польских, украинских и белорусских «националистов», настаивавших на неславянском характере русского этноса, включавшего значимые финно-угорские и тюркские (татарские) составляющие. Реакцией на эту тенденцию уже в среде русской эмиграции 1920-х гг. стало евразийство, усматривавшее историческую роль русского народа в объединении всех народов, входивших в империю, а затем и СССР (с. 85–86). Те же во многом противоречивые тенденции были свойственны и дореволюционной археологической науке, стремившейся определить границы этносов и углубляющей историю славян до эпохи формирования земледелия (скифы-пахари и даже неолитическая трипольская культура); эти тенденции долго сохранялись на уровне интерпретации археологического материала. Особой остротой отличался «украинский вопрос»: проблема самостоятельности украинского языка, разграничения Малороссии и ее населения с русским населением Великороссии начиная с М. А. Максимовича заставляла искать различия в исторических судьбах южной и северной групп восточнославянского населения, украинские истоки древнейшей («Киевской») Руси и т. п.

В этот «украинский» историографический контекст не вполне укладывался характеризуемый автором подход русского филолога А. А. Шахматова (с. 110–112): опираясь на исследование начального летописания и поиски исторических истоков известий летописи, Шахматов подчеркивал единство славянской культуры в древнейший период, но признавал варяжское (неславянское) происхождение руси. При этом Шахматов некритически воспринял данные археологии о распространении скандинавских древностей в Восточной Европе, посчитав, в соответствии с предложенной им реконструкцией древних летописных сводов и известий первой половины

IX в. о «русском каганате», что «начальная» русь обосновывалась в Киеве, а варяги были призваны позднее (в 862 г.) в Новгород. Эта конструкция повлияла на представления позднейшей историографии об «исконной» Киевской Руси, в том числе на представления основателя украинской исторической науки и просветителя М. С. Грушевского: он стремился углубить истоки этого южнорусского конструкта до эпохи славянского расселения VI в. и увязать его со славянским объединением антов (игнорируя лауну между известиями VI и IX вв.). Таковыми оказались истоки средневековой «Украины-Руси», многотомную историю которой создал Грушевский: он стремился преодолеть средневековые стереотипы (усвоенные ученой историографией, начиная с Карамзина), возводящие власть московских государей к великим киевским князьям. Опять-таки средневековая византийская традиция разделения Малороссии и Великороссии (ср. с. 112–120) увязывалась с самостоятельным развитием разных народов — украинцев, белорусов и русских, восходящим едва ли не к эпохе неолита.

Эта значимость этнической истории воспринималась властями как покушение на государственный суверенитет Российской империи, ввоз данной во Львове многотомной истории «Украины-Руси» был запрещен (переиздание было инициировано в Украине в 1994 г). Работы Грушевского способствовали росту интереса к проблеме формирования этнического самосознания, П. Н. Милуков подчеркнул связь становления великорусского самосознания с формированием Московской государственности на рубеже XV–XVI вв.; ту же проблематику стали разрабатывать М. К. Любарский, М. Д. Приселков, А. Е. Пресняков — последний настаивал на бесперспективности примордиальных поисков истоков наций в «племенных культурах» (с. 121–124).

Становление национального вопроса в советской науке (глава 3) было связано с формированием федеративной политической структуры Советского государства, при этом нация воспринималась как сложившееся исторически этническое образование. Проблему составляло наличие иных консолидирующих нацию факторов, прежде всего — религиозного: М. Султан-Галиев отстаивал доктрину «мусульманского национального коммунизма» (с. 132), вызвавшую противодействие властей; риторически оставались господствующие установки на борьбу против буржуазного национализма и великодержавного шовинизма, при посредстве которых подавлялись устремления к самостоятельности национальных регионов. Партийная бюрократия боролась со стремлением к культурному развитию автономий (мордвы, коми, карел) на основе национального языка и традиций; сложные проблемы сопровождали «национальное размежевание в Средней Азии» и на Северном Кавказе (с. 151–159). В этой ситуации относительно нейтральной представлялась идея поиска «славных предков» народов, в досоветский колониальный период практически лишенных истории (с. 166–169). Эта идея не могла не воздействовать на станов-

ление науки об этногенезе, поиск примордиального соответствия этноса археологической культуре и т. п. Примордиальная риторика воздействовала и на собственно археологические исследования материальной культуры; в этих условиях сложилась и тенденция обнаружения истории русского народа, предшествующей истории русского государства (Ю. В. Готье, с. 173). В краеведческом движении начался «музейный бум», ориентированный на демонстрацию «непреходящей ценности местного культурного наследия».

Нужды социалистического строительства требовали оперативного преодоления отсталости в области традиционного ведения хозяйства и племенных пережитков — формирования новых национальных образований, коллективных единиц, соответствующих идеям социализма.

Особую объективную проблему создавало отсутствие «древних» писанных историй, подобных русскому летописанию, у многих народов СССР. Эта проблема породила полемику по поводу первой марксистской истории России М. Н. Покровского, разбираемую В. А. Шнирельманом (с. 184 и сл.): историка, стремившегося соблюсти принцип интернационализма, обвиняли как в пренебрежении историей собственно русского народа, так и в игнорировании истории других народов. Пришлось «Историю России» переименовывать в «Историю народов СССР» (с. 185).

Марксистский метод был парадоксальным образом понят Н. Я. Марром, выступившим против традиционного сравнительно-исторического языкознания, в первую очередь — индоевропейской («арийской») теории. Его естественная привязанность к Кавказу воздействовала на конструкцию некоей «яфетической семьи языков», формирующейся в результате синтеза разных языков в соответствии с развитием общественных формаций.

Замечу, что накануне Второй мировой войны сформировалась историографическая тенденция, направленная на поиски долетописных свидетельств о славянском, а не норманнском (варяжском) происхождении народа *русь*: А. П. Дьяконов отверг германскую интерпретацию этника *hros*, упомянутого сирийским автором VI в. Захарией Ритором в «гуннских пределах» (к северу от Кавказа), в начале XX в. предложенную Й. Марквартом, и настаивал на славянской его природе (ВДИ, 1939, № 4). Хотя собственно славяне не поминались сирийским автором, Дьяконов, апеллируя к множественности славянских объединений VI в., соотносил этот «народ» с антами, игнорируя альтернативную конструкцию Грушевского. Это построение, сохранявшееся в отечественной историографии вплоть до работ Б. А. Рыбакова и В. В. Седова, было подхвачено Н. В. Пигулевской, включившей упоминание «народа» *hros* в число ранних известий о народах СССР в 1941 г. и специально писавшей об этом «народе» в 1952 г., когда борьба с «норманизмом» достигла апогея в отечественной историографии³.

³ Приводимая конструкция вырывала «народ» *hros* из контекста источника, который помещал этот «народ» среди монстров окраины ойкумены — псоглавцев, амазонок и т. п.: естественно, эти известия не были включены в «Свод древнейших известий о славянах», изданный Институтом славяноведения в 1994 г.

В главе 4 автор приводит «наиболее интересные случаи», характеризующие построение «этногенетических нарративов» уже в поствоенный период. Особый раздел посвящен «украинским истокам», искать которые в наиболее радикальных нарративах принято в энеолите (культура Триполье, III тыс. до н. э.). В украинской историографии сформировалась тенденция принципиально разделять украинцев и русских — «московскую народность» как результат смешения разных восточнославянских племен с финнами в исторический (и доисторический энеолитический) период, хотя общее древнее самоназвание русь (возводимое к варягам) осложняло эту конструкцию. Продолжалась полемика по поводу степени восточнославянского единства в домонгольскую эпоху — эпоху Киевской Руси. Стремление ряда украинских авторов (М. И. Яворский и др.) продемонстрировать самостоятельность истории Украины с древнейших времен, «балансировать на грани марксизма и национализма» привело к ликвидации харьковского Института Марксизма в 1931 г (с. 202).

Идея исторической и этнической самостоятельности белорусов формировалась в период революционного движения и военных конфликтов с Польшей в первой четверти XX в. Тогда возникли «страсти по кривичам», центром которых (в соответствии с начальным летописанием) был Полоцк, соперник Киева; белорусский академик В. Ю. Ластовский издавал журнал «Кривич». И здесь не обошлись без обращения к мифическим первопредкам — волотам (автор сохранил белорусскую огласовку — *волаты*), фольклорным доисторическим великанам, чей образ напоминает *hros* Захарии Ритора — великанов, которых не могли носить кони. Популярной остается и давняя народно-этимологическая примордиальная трактовка этнонима *кривич*: «кривич» — «кровный» (с. 206–209), при том, что летописное *кривичи* означает живущих на окраине (славянского мира).

Контрверзы, связанные с восхождением народов Поволжья — казанских татар и чувашей — к волжско-камским булгарам, господствовавшим в этом регионе в домонгольской период, этнические отношения татар и башкир рассматривались в историографии под воздействием пантюркистских теорий, не предполагавших самостоятельных предков для каждого народа и хронологически не опускавшихся ниже гуннского нашествия.

Древние истоки стремились обнаружить и первые историки марийцев, сближая современный этноним с летописным *меря*; арийские истоки отыскивались у удмуртов, для чего их имя сближалось по созвучию с именем удинов Азербайджана (что соответствовала распространенной в 1930-е гг. яфетической теории). Эти идеи вызывали подозрение в возвеличивании истории финских общностей и привело к фабрикации «дела Союза освобождения финских народностей» в 1932 г. (с. 224–229). Сложную и противоречивую проблему переставляла собой этническая история мордвы, историографические перипетии которой подробно изложены в книге: насколько прочно и когда древний этноним *мордва* объединил две группы мордвы —

эзрю и мокшу — и каковыми были отношения этих групп с Русским государством и Волжской Булгарией, остается дискутируемой проблемой. Один из вождей мокши Пуреш признавался «ротником», принесшим присягу-роту вассалом русских князей (в книге ошибочно характеризуется как «ратник», с. 249). «Славное прошлое» коми создавалось К. Ф. Жаковым, сочинившим эпическую поэму «Биармия» (подражая «Калевале» Лённрота): фантастическая северная страна скандинавских саг, чье имя Биармия традиционно сближается с именем Пермь, и образ противника Стефана Пермского волхва Пама позволяли углублять культурные истоки коми в духе национального романтизма. К концу 1920-х гг. эти тенденции были признаны «уклонистскими».

«Борьбой за древнее наследие» именуется автором попытки построения этнической истории среднеазиатских тюрков и ираноязычных таджиков. Проблематичной была традиционная, восходящая к эпохе Средневековья, установка на существование единой этнокультурной области Туркестан; эта проблематичность усугублялась наличием в тюркоязычной среде иноязычных анклавов (сартов). Нейтрализацией этнических контроверз служила яфетическая теория Марра, но поиск престижных предков заставлял ассоциировать достижения античной цивилизации (Согд) с развитием культуры узбеков и таджиков (с. 273).

Та же тенденция характеризовала этногенетические нарративы с 1920-х гг., ориентированные на поиск истоков народов Северного Кавказа в древней Передней Азии. Своей древностью «подкупали» и аланы (сарматы), хазары, зихи античных авторов, не говоря уж о предшественниках хеттов — хаттах Передней Азии (их язык в лингвистических реконструкциях относится к северокавказской семье). Естественно, в качестве престижных предков выступали и герои нартского эпоса (подобно мифическим великанам других традиций). Знаменитый осетинский филолог В. И. Абаев настаивал на глубоких алано-сарматских и даже скифских корнях осетинского народа (к его более поздним классическим работам относится и исследование скифо-европейских изоглосс, обнаруживающих древнее воздействие иранского — скифского языка на балто-славянские и др. европейские); развиваемый Абаевым сравнительно-исторический метод в языкознании был неприемлем как для марристов, так и для последователей официального направления, сформированного антимарристским сочинением Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (с. 298–302). Этот поворот в отношении к языкознанию сопровождался борьбой с «буржуазным национализмом», в том числе отрицанием добровольного вхождения народов в состав Российской империи.

С не меньшими сложностями развивалось исследование этнической истории армян, особенность которой связана с многочисленной переднеазиатской диаспорой. Самоназвание армян — *хай* выводится из урартского обозначения обитающих к западу от Евфрата (включая хеттов), страны

Хайасы. Урарту — древнейшее государство на территории СССР: в работах армянских исследователей армяне стали господствовать на его территории после разгрома этого государства фригийцами в VIII в. до н. э., являясь автохтонами в Закавказье (с. 306–313).

Создание этнической истории нового образования в составе СССР, Азербайджанской ССР, автор именуется «изобретением национальной истории» (с. 313). Сложности заключались прежде всего в том, что большая часть азербайджанцев проживает в одноименной провинции на северо-востоке Ирана. Новый этноним *азербайджанцы* призван был выделить новую нацию из традиционных объединений, сохранявших архаическое имя *тюрки* (*татары*), тем более что тем же наименованием пользовались соседи в Турции и Иране. Новый этноним стал знаменем борьбы с пантюркизмом. Продемонстрировать автохтонизм требовали власти республики; ранние достижения культуры, как и в Средней Азии, в Азербайджане искали в средневековой книжности — «своим» великим поэтом признали персидского автора Низами; действительно, замечу что он родился в Гяндже и охватил в своей поэме об Александре — Искендер-наме историю не только Кавказа, но и всей Евразии (упоминая русов как псоглавцев!). Соответственно в историографии этногенез азербайджанцев увязывался с древними мидянами, жителями закавказских стран — каспиями, албанами; как автохтоны азербайджанцы не могли уступать грузинам и армянам — албанский алфавит, введенный в V в. Месропом Маштоцем, был объявлен азербайджанским (с. 323).

С возникновением письменности увязывали начало своей истории бурятские и якутские интеллектуалы (с. 326–330); замечу, что схожий подход демонстрировала уже русская начальная летопись — создание славянской письменности Кириллом и Мефодием увязывалось там с правлением Вещего Олега, заключившего первый письменный договор с греками в 911 г.

Напрямую с летописной традицией о норманнах-варягах и данными археологии оказалась связана судьба Немецкой автономии в Поволжье: немецкие колонисты были расселены в Среднем Поволжье в новое время, но энтузиасты обнаруживали внедренность германских элементов в историю Поволжья уже в готскую эпоху (благо этот регион был включен в Готскую державу Германариха еще Иорданом, автором VI в.). Естественно, эта увлеченность была принята за национализм, а отношение к германскому влиянию на русскую историю резко поменялось с началом войны (с. 330–334).

Годы революционных потрясений характеризует парад национальных суверенитетов, который затронул и казачество, чья сословная обособленность («самостийность») провоцировала на поиски особых этнических корней среди разнообразных обитателей пограничья степной зоны — от «скифов-славян» до «алано-хазар»; традиции собственной государственности возводились к Хазарии и так называемой Тмутараканской (Приазовской) Руси (с. 334–345).

В эмиграции создавались радикальные националистические мифы (доныне популярные среди неоязычников), возводящие украинцев к истинным арийцам, преследуемых семитами, но унаследовавшим достижения древней ближневосточной цивилизации и основавшим Иерусалим; они считались потомками языческого Дажьбога (с. 334–348; ср. конструкцию о «русичах — Дажьбожьих внуках» Слова о полку Игореве).

Проблемы становления официальной советской науки в 1920–30-е гг. рассматриваются в главе 5 «В борьбе за интернационализм». Ориентация на победу всемирной революции делал неактуальными исследование архаических традиций и их «пережитков», в том числе в области археологии, этнографии и краеведения. Актуальной оказывалась история материальной культуры — недаром Н. Я. Марром была создана Государственная академия истории материальной культуры (с. 353). Автохтонизм стал доминирующим в подходе к этногенезу — каждый народ даже был иметь своих древних предков, значение миграций и межэтнических отношений минимизировалось. Вместе с тем марровская яфетическая теория — смена языков в соответствии со сменой экономических формаций — не вполне укладывалась в автохтонистскую тенденцию. Согласно яфетической теории «скифскую» стадию развития степных культур сменяла «гуннская», потом «тюркская» и т. п. (с. 364). Одновременно началась интенсивная борьба с проявлениями «национализма», репрессии против национальной интеллигенции и элиты в Якутии, Абхазии, Украине, среди поволжских финнов; народы, ассоциировавшиеся с нациями «враждебных» стран, — советские немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы, поляки и др. подвергались дискриминации. Репрессированы были и представители традиционных подходов и академических направлений, «старые» профессора, закрыт и организованный академиком Н. С. Державиным Ленинградский институт славяноведения (с. 374). Разгром «реакционного» краеведческого движения и закрытие музеев сопровождалось распродажей музейных ценностей; экспозиции сохранившихся этнографических музеев должны были демонстрировать успехи ленинской национальной политики. Националистическими были признаны формирующиеся в Белоруссии и Украине школы гуманитарных исследований, ориентированные на изучение «реакционных» традиций. Репрессии обрушились на интеллигенцию всех вошедших в СССР республиканских образований и географических регионов (Сибирь, с. 339–394). В итоге, заключает В. А. Шнирельман, «наука стала жертвой режима», что во многом определялось сменой научной номенклатуры (с. 493–397).

Глава 6 посвящена «смене парадигм» — выработке новой идеологии, знаменующей переход «от интернационализма к национализму», «патриотизации отечественной истории», появлению «мифологемы единого советского народа» с середины 1930-х гг. Патриотический национализм требовал совмещения с пролетарским интернационализмом, военная конфронтация «оправдывала» депортацию немцев, поляков, финнов, латышей и др.

из приграничных районов. Доминантной в официозной идеологии становилась роль русской истории и русского народа с его культурными героями и вождями — Александром Невским и Иваном Сусаниным (его именем заменили старое название оперы «Жизнь за царя»); «русские цари», по характеристике Сталина, «сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство — до Камчатки». (Это «дело», между прочим, оправдывало тиранию Ивана Грозного). Большевики выступали как продолжатели этого дела, «сплотившие и укрепившие это государство»: выступавшие против этого единства (в том числе поднимавшие «национальный вопрос») подлежали уничтожению как смертельные враги СССР и социализма в целом (с. 398–409). Соответственно строились научные и учебные программы, в которых реабилитировалась история, где, во-первых, «история Великороссии не отрывалась бы от истории других народов СССР», а во-вторых, «не отрывалась бы от мировой истории» (с. 419). При этом В. А. Шнирельман справедливо выделяет тенденцию к созданию «этноцентристской концепции ранней истории русского народа» в доваряжский период, возникновение официозного жупела «норманнской теории», принижающей исторические способности славян (что приписывалось уже деятельности немецких академиков XVIII в.) (с. 426 и сл.). Этой тенденции, естественно, противоречили историографические проблемы, встающие перед исследователями, работающими над историей Казахстана и других регионов (см. с. 425–427): первоочередными считались исследования братских народов — русских, украинцев и белорусов, «гонения на национальные истории» усилились в послевоенные годы (с. 431 и сл.). Ситуация оказалась парадоксальной — официозные идеологи вынуждены были метаться между откровенным шовинизмом и «пролетарским интернационализмом», необходимостью укрепления государственности и национально-освободительных движений; особое значение придавалось разоблачению реакционного движения Шамиля на Кавказе (с. 433–439). Борьба с проявлениями пантюркизма, паниранизма и т. п. ставила под удар любые научные попытки исследовать этническую историю.

Особую ревность вызывала связь с древнейшим историческим государством на территории СССР в Закавказье — Урарту: начало своей истории увязывали с ним армяне и грузины (с. 448).

Крайнем выражением шовинистических тенденций в официозной идеологии стала борьба с «космополитизмом» в середине XX в. Классовые враги были уничтожены; окончательному единству советского народа противоречило существование «безродных космополитов» (под ними подразумевались преимущественно евреи), в области монолитной социалистической культуры — буржуазные и более архаичные ценности, навязываемые враждебным зарубежным окружением. Главными целями разоблачения стали не только пантюркизм и тому подобные жупелы официозной пропаганды, но и тюркология, и финноугроведение, «лишавшие народы», по приводимой в книге характеристике С. П. Толстова, «их национального своеобразия» (с. 452).

Любые сравнительно-исторические исследования приравнивались к низкопоклонству перед чуждыми ценностями: кроме упомянутого в книге старого классика отечественной филологии А. Н. Веселовского, напомним о судьбе В. Я. Проппа — сравнение сюжетов русской сказки с фольклором других народов считалось принижаящим их достоинство.

Актуальную проблему представляло славяноведение, особенно вопросы этнической истории восточных славян. Уже в 1939 г. начала свою деятельность комиссия по этногенезу, на первом заседании которой акад. Н. С. Державин настаивал на автохтонном развитии балканских славян, Б. А. Рыбаков — на антских истоках Руси, углублявших ее историю в доваряжский период. Древняя Русь стала основой не только общности восточнославянских народов, но и основой Советского государства. Представления о развитии археологических культур должны были соответствовать формирующейся схеме: экономический фундамент грядущего развития должны были демонстрировать если не культуры охотников каменного века (как думал Державин), то, во всяком случае, земледельческие культуры энеолита (упомянутая трипольская). Оживились запретные со времен господства марровских идей проблемы прародинности славян; к наследию марризма можно относить при этом замалчивание особой близости славянских и балтских языков, предполагающей древнее балто-славянское единство. Прародиной — исконной территорией — славянства считалось в официозных конструкциях Среднее Поднепровье (с. 467–468). Как уже говорилось, наследие марровского стадийного подхода позволяло усматривать автохтонное возникновение славян как на русском Севере (до Прибалтики), так и на юге Восточной Европы, на Северном Кавказе, в Крыму и Причерноморье в целом (ср. выше о народе *hros*). Следует отметить, что с вторжением начальной руси в Причерноморье (с IX в.) внешние источники могут именовать Черное море (Понт) «Русским», русь князя Святослава выводить от боспорских «тавроскифов» и т.п.; к этим источникам относится и славянское «Житие» Константина Философа, который якобы видел книгу с «русскими письменами» в Корсуни (Херсонесе; у В. А. Шнирельмана ошибочно — в Керчи, с. 472). Но это — не более чем традиционные конструкции средневековых книжников, стремившихся разместить неизвестный им народ в пределах ойкумены. Конкретные археологические исследования обнаружили специфику локальных археологических культур в Причерноморье, никак не связанную со славянами, бесосновательность традиции выводить славян из скифов, не говоря уж о трипольцах и т.д. (с. 474 и сл.).

Особой деликатностью отличаются проблемы интерпретации героических эпосов разных народов, в том числе общих эпических традиций и героев, принадлежавших разным народам: вопрос о приоритете в формировании этих традиций задевал национальные чувства этих народов в связи с эпосами «Кер оглы» (у азербайджанцев и туркменов), «Манас» (у киргизов и казахов), Нартовский эпос (у осетин и других народов Кавказа)

(с. 447). Добавлю, что эпическими врагами богатырей былиного эпоса могли выступать татары (или «литва»), в эпосе тюркоязычных народов Едигей — русские (ср. об эпосе Гэсэр: с. 483). О разоблачительной пропаганде, относящей эпосы к архаическим творениям реакционных верхов, см. в главке «Кампания против народных эпосов» (с. 482–506).

В Заключении В. А. Шнирельман отметил «высокую эмоциональную напряженность», которая сопровождала непрерывную дискуссию о предках и этнической истории. В дореволюционный период «русский национализм» использовался властью для противодействия революционному движению, в советский период ею использовался в интересах партийных верхов, «советский патриотизм» не отменял поисков великого прошлого разных народов, входивших в СССР. «Процесс конструирования советских наций» порождал поиски разных оснований для таких контракций — своеобразия языка у украинцев, формирование ранней «кривичской» государственности у белорусов, вопросы об этнической территории у азербайджанцев и т. д. Актуальными оставались поиски древних, в том числе легендарных основ культуры — иранской у таджиков, Биармии скандинавских саг у финно-угорских народов, Тюркских каганатов у тюркоязычных народов. «Завораживающим» был и образ древних арийцев для народов индоевропейской языковой семьи, волжских болгар и хазар для народов Поволжья и т. п.

Актуальность анализа, предложенного В. А. Шнирельманом, подтверждается возникшей при становлении разных форм советской (и постсоветской!) государственности тенденцией к максимальному удревнению своей истории в рамках границ республик и автономий — семитомная «История татар» (2002) начинается с эпохи бронзового века Евразии, «академическая история Югры» (2024) — с палеолита.

В заключение рецензент считает своевременным поделиться воспоминанием о рассказе академика Б. А. Рыбакова (совмещавшего посты директора Института истории и Института археологии АН СССР) студентам первого курса Истфака МГУ в сентябре 1967 г. Это был юбилейный год (50 лет Октябрьской революции), и власти страны стремились использовать возможности, связанные с празднованием разных событий. Б. А. Рыбаков рассказывал, как к нему пришли «украинцы» с настоятельным вопросом: почему Тбилиси празднуют 1 500-летний юбилей, Еревану — почти 3 000, а Киеву нет? Академик сказал, что может способствовать празднеству 1 500 юбилея Киева: празднество официально отмечалось в 1982 г. Автор статьи успел побывать на его продолжении на Пятом Международном конгрессе славянской археологии в Киеве в сентябре 1985 г.; отделение истории АН СССР более оперативно выпустило в 1982 г. посвященные юбилею монографию Б. А. Рыбакова «Киевская Русь и древнерусские княжества XII–XIII веков» и книгу В. Т. Пашуто, Б. Н. Флори и А. Л. Хорошкевич «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства».